

Птицелов / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Птицелов / рассказ ПТИЦЕЛОВ

Ногу оттяпали с размахом – выше колена. Зря молодой хирург клялся здоровьем своей мамы и будущих детей. Оптимистичный сценарий был отвергнут по ходу операции, и все понеслось под диктат смертельно полыхнувшей гангрены.

Память бегло прокручивала свою короткометражку, будто на глазное яблоко экрана попала соринка, и надо было поскорей проморгаться. Выкатилась слеза. И жизнь приобрела знакомое постное выражение, совсем как в черно-белом телевизоре «Рекорд» времен унылого провинциального детства.

Боль – сколько пугали фантомными болями! – еще не накатила. Культия затаилась белым кульком. Он с брезгливостью думал об этом чужеродном уродливом огузке, с которым – вместо своей красивой мускулистой ноги – предстояло жить полноправным (или полноценным?) инвалидом с костылем или протезом.

На тумбочке минералка. Но первый глоток можно сделать часа через два. Он смочил губы и причмокнул. Мерзкий химраствор из какого-то подвала в Малаховке. Не для людей. Для опытов над людьми. Вот в Армении вода так вода! Говорят, скоро вода будет дороже вина. Дороже французского гран крю. Не зря ж Геворг, его однокашник, приезжавший в командировки из Еревана, непременно привозил, кроме коньяка, армянский хлеб матнакаш и бутылку воды – не магазинной, ни боже мой! – из источника в Эчмиадзине. Олег верил, что вода из Эчмиадзина – настоящая, живая, и у нее – крепкая память. По утрам, натошак он делал три мелких глотка, почему-то три... А сейчас хоть бы глоток, ну пол-глотка.

Короткометражка памяти застопорилась. Что-то там заело. Слепящими титрами загоралось и гасло, загоралось и гасло и снова крупно загоралось: СЫН.

– Да, сын, мой сын... Жив? Кто из нас жив?

Олег женился рано. И уже в медовый месяц его ненаглядная

Ладушка забеременела, отчего впала в отчаяние, доходившее до классических сцен со слезами и упреками. Кудрявая блондинка с мимикрирующим под настроение цветом глаз – от светло-голубого до темно-серого – так и не выросла из роли дорогой куклы с огромным бантом – на руках у мамы-папы, на коленях у бабушки-дедушки, а потом и в объятиях мужа. Единственной дочке и внучке двух директоров крупных московских предприятий перечить и отказывать было категорически противопоказано. Да никто и не пытался. Но когда встал вопрос – рожать-не рожать? – в семье закипели дискуссии, похожие на бои местного значения: рано или не рано заводить ребенка или сначала пожить для себя, хотя бы лет пять, чтоб встать на ноги, создать материальную базу, реализоваться и дальше в том же духе. Эти интеллигентские сюси-муси Олег прекратил сокрушительным риторическим наскоком: – Ребенок – это дар, это жизнь, которая уже в пути. Если б не он, мы бы до приторности гоняли чай и перемывали кости правительству. Но мы – который день – только о ребенке. Хотя говорим о нем свысока, будто мы – ареопаг, вершители судеб, а не мама с папой, не бабушка с дедушкой.

Все примолкли. Махнув залпом почти поллитровую кружку чая – обожал большие кружки, Олег обтер ладонью рот и, приподнявшись, продолжил с удвоенной силой:

– Не судьба ребенка зависит от нас. Наши судьбы, в первую очередь, моя и Ладушкина, зависят от ребенка. Вот и сейчас он, бедняга, слушает – у него уже есть ушные отверстия – и, наверное, вздрагивает: нужен-не нужен, пора-не пора...

Ладушка промокала платком заплаканную голубизну, деликатно сморкалась и всхлипывала. Ей хотелось, чтоб ее пожалели и успокоили. Ребенок и вправду был ни к чему – не вообще, конечно, а конкретно в этот момент ее профессионального становления. Всеми фибрами своей рафинированной души она настроилась на Европу, на стажировку в Сорбонне. И в то же время не меньше престижной стажировки хотелось быть хорошей женой и «надежным тылом», так ее отец оценивал роль ее безропотной матери. Ладушка любила мужа: римский профиль, мощный торс прямо-таки микеланджеловского Давида – только помоложе и все же не столь благородного замеса. Простоватое

лицо и умный взгляд самородка из шахтерского поселка под Воркутой, выросшего в затхлом бараке, где общий коридор будней тянулся неразлично – без праздников и запоминающихся событий, кроме, может, запуска в космос Юрия Гагарина. Позже, когда Олег стал победителем то одной, то другой школьных олимпиад по математике, в семье научились радоваться, а когда его направили на всесоюзную олимпиаду в Москву, родители закатили невиданное застолье с гармошкой. Из Москвы Олег вернулся на коне: приняли в физико-математическую школу при МГУ. Впереди замаячили мехмат, общежитие, стипендия и – совсем другой горизонт будущего.

Ребенка решили оставить. И река семейной жизни не вышла из берегов, значит – не изменила главного русла.

Ваня родился весной. Он рос залюбленным домашним дитятей, здоровым, умным и совершенно непредсказуемым.

Они жили на даче, на Николиной горе, и года в четыре Ване открылся мир живой природы. Он различал времена года, деревья, некоторые виды цветов и трав, восхищался до визга лягушками и ящерками. Гуляя промозглым зимним днем, наблюдательный Ваня вдруг заорал:

– Яблоко! Красное!

Висевшее на черной ветке красное яблоко испуганно взмахнуло крыльями и исчезло в лесу. Пораженный чудесным преображением Ваня навсегда полюбил птиц и жить в разлуке с ними уже не мог. Как он недоумевал, как сокрушался в своих бесчисленных вопросах: почему человек только ходит? почему ему не досталось полых костей, чтобы летать? Про красоту крыльев и говорить нечего. А руки казались ему по-обезьяньи безобразными, и, будучи уже в пубертате, он предпочитал рубашки только с длинными рукавами – никаких маек или поло.

Олег понакупил у букинистов тома Брэма, определителей и иллюстрированных атласов птиц из разных природных зон – от средней полосы России до тропиков Азии. И вместо волшебных сказок на ночь читал сыну про птиц.

Потом началась игра в экспедиции.

Расстелив на полу физико-географическую карту мира, они прокладывали маршруты по степям и пустыням, по тайге или

джунглям. И в игрушечных грузовиках или на пластмассовых пароходах доставляли слонов, медведей, жирафов, кенгуру и всех имеющихся в доме зверушек в зоопарки разных городов и стран, откуда якобы поступали заказы. Позже сосредоточились на орнитологических экспедициях: то за хищными птицами, то за певчими или за экзотами. Надо было знать, где эти птицы обитали, куда улетали на зимовку, где высиживали и чем кормили птенцов. Олег, к своему удивлению, тоже увлекся орнитологией, которая расширила его эрудицию и дала ощущение внутреннего личного пространства, где чудесно леталось, как в детских снах навзрыд. Но не это главное. Он так сблизился, так сросся с сыном, что вечерами они не могли наговориться, хотя понимали друг друга без слов. Олег сожалел, что, отдав лучшие годы математике – царица наук! – по-своему великолепной, но такой абстрактной, холодной, столько лет жил в отрыве от природы, без восторгов перед закатом или радугой, перед наивной майской листвой. В его календаре было одно время года: дом-метро-работа. Маленький Ваня, открывая природу для себя, открыл ее и для отца. И отличник Олег усвоил: не только родители воспитывают детей, но и дети усердно воспитывают родителей. Ничего похожего в его детстве, кажется, не было. Они вместе читали про крупнейшие зоопарки и заповедники. И вот тогда Ваня, еще картавя, впервые заявил:

– Хотюзоопак.

– В воскресенье пойдем.

– Не-е... Мне, мне! – он хлопал широкой ладонью по груди, – Купи зоопак Ване! Сейтяс зе!

Они с Ладушкой переглянулись, умиляясь такому капризу или разыгравшейся фантазии, а Ваня не сводил с них требовательного взгляда.

Когда грянула перестройка и выбила кресла из-под обоих директоров госпредприятий, и оба, не пережив крушения страны и идеалов коммунизма, поспешили убраться в мир иной, Олег тоже потерял работу. Их НИИ закрыли за отсутствием прикладных направлений, отвечающих запросам рыночной экономики. Коллеги-теоретики поодиночке и группами подались за границу. Но Олег, защитивший докторскую, уезжать не собирался. Он выбрал

московскую школу — их тогда было немало — где такие же, как он, бывшие научные сотрудники, фанатели от неожиданно обрушившейся свободы и преподавали по авторским методикам. Кто во что горазд. Как совесть позволит. Открыв в себе учителя — у него даже речь изменилась — он стал уверенней в себе, энергичней и тверже. Как всякий неопит, с головой погрузился в методические разработки, лекции и семинары, намеревался написать собственный учебник по математике.

И Ладушка не отстала от мужа: куда иголка, туда и нитка. Проявив неожиданную находчивость и способность к мобилизации в острых обстоятельствах — в отца, что ли? — она всё больше удивляла Олега, который устыдился, что недооценивал жену. Выходит, переоценивал себя.

Еще зимой втихую, без драмы Ладушка уволилась из архитектурной мастерской, где всё разваливалось, и вдоль плинтусов тоскливо бродили крысы. Дома, как безумная, она засела за мольберт, на котором один за другим появлялись небольшого формата натюрморты с русским акцентом — то с миской янтарной квашеной капусты, то с буханкой черного или с солеными пупырчатыми огурцами, которые, казалось, кусни и — захрустят. Еще она расписывала букетами полевых цветов разделочные доски. И продавала все в Измайлове, на знаменитом вернисаже, куда по выходным стекались праздные толпы, в том числе и иностранцев.

Незнакомая новая жизнь пускала робкие побеги, перечеркивая прошлый опыт, но одновременно что-то обещала и приманивала. Каждый день проживали наощупь: не оступиться, не пропасть и не попасть ненароком под колесо истории.

Летом они жили на даче, Ваня наезжал по выходным, набирал сумки с едой и — уматывал в Москву. Когда у Ладушки вскочил огромный ячмень на глазу, они с Олегом, несмотря на поздний час, примчались домой. Уже на лестничной площадке от мощного грохота хэви-метал содрогались стекла.

— Бедные соседи, — посочувствовал Олег, гремя ключами и отпирая бронированную дверь.

— Зато сын дома. Не шлэндрает где ни попадя!

Ваня не услышал, как родители вошли в квартиру. Его не было

ни на кухне, ни в гостиной – только шестеркой хрустальных лилий ликовала люстра и на столе благоухали блюдечко со шпротами и недопитая бутылка коньяка.

– Ваня, ку-ку! Мы здесь! – позвала, как в лесу, Ладушка, но ей отозвалось лишь тяжелое уханье ударника.

– Ваня! – требовательно позвал Олег и двинул напрямик почему-то в спальню.

На их супружеской белой кровати в обнимку с голой тощей блондинкой спал голый Ваня.

– Это что? Что вы здесь устроили? Бордель, притон...С какой стати здесь? – голосом громовержца, перекрывающего хэви-метал, набросился Олег, за ноги стаскивая с постели сына, еще не очухавшегося от сна. – Вон со своей шалавой! П-шел вон! Чтоб духа твоего здесь не было!

Блондинка проворно юркнула в джинсы и почти одновременно в майку, Ваня сел на край кровати, держась за живот и раскачиваясь.

– Не бордель и не шалава, – начал он тихое сопротивление, – это – первая любовь. Забыл, что с людьми такое случается?

– Первая любовь, ах, и под коньячок трах-тарарах! Пьянь, подонок! – Олег размахнулся и отвесил пощечину, отбросившую Ваню навзничь. – Вон!

– Прекрати, Олег! Дело житейское. Что тут такого? Хорошо, хоть не в подвале, – стараясь быть услышанной, унимала Ладушка, заглядывая мужу в глаза.

Ваня со свистом выдохнул, подскочил на кровати, как на батуте, и вдруг врезал отцу. Олег оторопел, захлопал глазищами и уже занес руку, примеряясь опять повалить сына, но тощая блондинка, повиснув сзади, завопила:

– Не бейте! Мы уйдем! Бежим, Вань!

– На ночь глядя? Куда? Трёхнулись все! – плачущим голосом простонала Ладушка, уводя трясущегося Олега и махнув сыну: уйди. Они не успели дойти до дивана в гостиной, когда мимо них прошмыгнули двое, и Ваня – как ножом отрезал:

– Не вздумайте искать! Меня для вас нет!

Сколько лет прошло, но Олег вновь и вновь переживал ту жуткую ночь, разделившую их с сыном на до и после, и помнил во всех

подробностях: взглядах, жестах, интонациях. Простить себя не мог. Будто и не он это был вовсе, а другой, о котором до тех пор он не подозревал. Умопомрачение какое-то... Ладушка то утешала его, то упрекала, что так и остался мужланом, примитивным провинциалом, который не в состоянии понять сына. Ведь если не понимаешь, значит, не любишь?

Наутро Ваня вернулся. Они избегали друг друга, но когда за ужином Олег все-таки взглянул сыну в лицо, то напоролся на холодный каменный взгляд чужака.

Школу Ваня окончил успешно, но на биофак не поступил, болтался днями и ночами неизвестно где и родительские призывы к совести принимал как «белый» шум. Однажды вечером, придя очень возбужденным, хотя и трезвым, с порога скомандовал:

– Все сели за стол переговоров!

Немного стушевался, сбавил тон, но наступление развернул масштабное:

– Зря окисляетесь, мол, вырос дармоед, паразит...Скоро все изменится, зуб даю. Ухожу в бизнес. И от вас уйду. Как колобок. Вы, конечно, попереживаете, ну, совсем чуть-чуть, поохаете, потом привыкнете, – он уронил на столешницу голову с россыпью пшеничных, как у Ладушки, кудрей. – Такова сегодняшняя се ля ви... Пора перерезать пуповину, пока вы не разлюбили меня под корень. Я ж чую: маман вообще меня в упор не видит, и ты, пап, добровольно устранился. Что делать? Один из риторических вопросов русской жизни. О других умолчу. Ну, не соответствую я вашим представлениям о стандарте благополучия: МГУ – аспирантура – диссер...Не вписываюсь, хоть убейте, в модель советского успеха. Вы-то жили шоколадненько! Мое будущее – бизнес. Открою частный зоопарк, – вскинув голову, пафосно завершил Ваня, готовый отразить любые нападки.

–Что такое частный зоопарк!? – передразнил Олег, уставший чувствовать себя неудачником, хоть и с докторской степенью, но выпавшим из игры, точнее – из жизни.— У тебя ни образования, ни опыта, ни денег.

– Деньги? – как утопающий, Ваня крепко схватился за соломинку, – деньги будут с неба падать – птицами, разными

птицами, покрупней и помельче, но оч-чень дорр-огими!

– Давай-давай, сынок, разбогатеи, хоть ты! – Ладушка робко обняла Ваню. – Твой папа выживет и на геркулесе с водой, ему не привыкать, а вот я – под вопросом. На днях чешские бра из спальни загнала, купила мешок сахара – вон, на балконе! – пять литров подсолнечного масла и палку венгерского сервелата. Вот такая я у вас добытчица!

– Есть чем гордиться, маман. Всё ваше поколение – Ваня замолк, секунду раздумывая – вломить или не вломить, – вы все – импотенты, зомбированные совком, – и он зашелся в хохоте, показавшимся Олегу неуместным и злым, а сам Ваня – тем самым знакомым ему чужаком. – Вам еще при рождении планово подрезали крылья, чтоб высоко не летали, перебили ноги, чтоб далеко не бегали и засрали мозги, чтоб сильно не задумывались. Равенство нищеты – ваша социальная справедливость, планка ваших, извините-с, мечт. Я так жить не бу-ду, слышите? Не бу-ду. Категорически. И исключительно из рудиментарного чувства уважения, дражайшие родители, ставлю в известность: через неделю еду за товаром. Пришел заказ из Праги на 50 снегирей, конкретно на самцов. У них грудка поярче, поэффектней, а значит – гоните денежки!

– Торговать собрался? Твои любимые снегири – товар? – не мог переварить Олег.

– Мы все – товар: уцененка, секондхенд, ширпотреб, штучные, лакшери... Все продается. И Ваня, – выбирая лучший ракурс, Ладушка жестом вознесла его на пьедестал, как героя, – наверняка со своей маман пример берет. Кормильцем становится. Мужиком себя почувствовал.

– Ровно через неделю, – шаря глазами по потолку, потухшим голосом транслировал свое Ваня, – отвалю в Вологду, в лесничество, за снегирями. Обещают хорошие бабки, зеленью. Раз в сто, ей богу, раз в сто больше, чем ваша зряплата за год.

– Это же чистое браконьерство! И контрабанда! Тебя поймут и посадят.

Но Ваня уехал...

Полуживыми снегирями из Вологды он начинил запаску дедова

жигуленка и рванул с напарником через Украину, через Чоп в Прагу, где накануне Рождества был ажиотажный спрос на снегирей как на милых домашних птиц, умеющих свистеть и распевать незатейливые мелодии. После снегирей запросили щеглов, которых Ваня ловко засовывал в пластиковые бутылки из-под воды, набивая спортивную сумку. Смотреть на это было невыносимо.

Весной он рванул в степь за пустельгой. И пропал.

Тогда у Олега случился первый инфаркт.

Ладушка – вот уж опора и тыл! – приезжала в больницу, как когда-то на работу, к 9 утра и уезжала после 9 вечера. Выхаживала, кормила и буквально ставила на ноги. О сыне почти не говорили.

Ваня вернулся поздней осенью, загорелый, возмужавший и навсегда чужой. Ни рассказов, ни вопросов, ни одного доброго слова. Однажды на ходу пробубнил, что готовится к крупной экспедиции за редкими и исчезающими видами. Нужны соколы – кречеты, сапсаны и балабаны.

– И что, всех на продажу? Или, наконец, для зоопарка? – вяло поинтересовался бледный Олег, внешне живший после болезни вполне, но со строгим взглядом, обращенным внутрь себя. – Мы мало видимся. И мало говорим. Но я думаю о тебе. Я очень виноват перед тобой, Ваня. Во многом. И в первую очередь, старый идиот, это я потворствовал тому, что было детской игрой. Я и представить не мог, что нашу замечательную, потрясающую игру – это только игра! – можно превратить в единственную – другой не дано – взрослую жизнь. Но прежде, извратить. Прежде, чудовищно исказить и смысл, и цель – прямо-таки наизнанку вывернуть, как лохматую шубу, для устрашения. Мороз по коже. Как и когда это случилось? Не знаю. И уже не узнаю. Процесс необратим. Но с себя – как с отца – вины не снимаю. И меня это мучает, понимаешь? Ведь ты живешь, чтоб ловить и продавать птиц. Побольше и подороже. Ты наживаешься на их свободе и на их вольной жизни. Сколько погибает, скольких убил, не прикидывал? При этом птиц ты любишь больше, чем людей. Чем нас, твоих родителей. Как это возможно? Ваня краснел, пыхтел, закипал, качал головой и, собравшись с

духом, рубанул.

– К птицам заревновал? Про вину заговорил? Любви не хватает... Да сами-то вы!? Ведь я вам, как рыбке зонтик. Ну, играл ты со мной, маленьким. Все отцы играют с детьми, особенно с мальчишками. А когда меня, ботана и шкета, гнобили и звали то Гномик, то Карлик, ты самозабвенно писал докторскую, потом также самозабвенно учительствовал, прям, отец родной, Макаренко, блин...Маман вкладывалась в карьеру, важнее которой ну ничего и никого на свете. Даже тебя. Ты хоть это-то замечал, пока балдел от своего матанализа? Эти ее бесконечные стоны – ах, стажировка в Сорбонну! ах, не стала руководителем мастерской... Достали! А теперь вы вдруг схватились: кого ты больше любишь – маму, папу или птичек...

По заказу одного из принцев в Абу-Даби Ваня наладился сам вывозить соколов – каждый дороже мерседеса – и впридачу к ним соколиные яйца – стоимостью несколько тысяч долларов за штуку. Это длилось больше года. Предварительно усыпив и закатав в детские пеленки соколов, оставляя лишь прорезь для поступления воздуха, он вывозил их десятками в обычных чемоданах из аэропорта Астаны. Еще год охотился на Дальнем Востоке за китайской уткой-мандаринкой, особенно полюбившейся европейцам. Домой прилетел под Новый год и вдруг разговорился о птичьих повадках и гнездовьях, о тех местах, где охотился. И ни слова о себе. Но родители были ужасно рады: сын соскучился, и вот они – вместе, на теплой волне взаимопонимания. Со стороны все трое выглядели, конечно, не святым, но вполне счастливым семейством.

После очередной экспедиции в Бангкок Ваня не вернулся. Ни звонка, ни письма, ни мейла.

Тогда у Олега случился второй инфаркт. Рванула задняя стенка левого желудочка. Лечение затянулось, но сердце не подкачало. Накануне выписки, в тихий час в палату вошли двое: молодой вертлявый и матёрый солидный. Оба в халатах, шапочках и в белых сабо. Матёрый присел на кровать, нащупал пульс на левой руке Олега и стал считать, вперившись в потолок. Вертлявый скороговоркой жарко выдохнул в ухо:

– Привет от Ванечки!

Олег чуть было не подпрыгнул в кровати, но тот, который считал пульс, попридержал и как-то даже угрожающе придавил его к матрасу:

– Давай без дрыгов.

– Ваня жив? Где он?

– Да в порядке Ванёк, башка с мозгами. В райском месте, при полном кайфе – на Бали, остров такой... И слезно просил, папаш, войти в его положение: вернуть должок.

– Какой должок?

– Да так, хреновина с морковиной. Не поделился с нами Ванюша. В прятки играл, следы путал, но мы хоть со дна Марианской впадины достанем. За соколиков, за 30 кречетов – пятихатка, по старой дружбе.

У Олега потемнело в глазах.

– Пятихатка – это что?

– Квартира, хата твоя пятикомнатная. Не переживай, папаш, всё порешаем! Мы ж не с пушкой из-за угла. Мы тебя культурно навестили, заметь, мы – не сыночек твой у смертного одра держит слабеющую твою руку... Ого, пульс сто двадцать!

– Добить пришли? Валяйте! На улицу нас с женой? Бомжевать? Я ж доктор наук...

– Про докторов не слыхал, а кандидаты и спецы во всех переходах, кто на гитаре, кто на гармошке или в челноки подались... Не дрейфь, папаш: ты нам – хату, мы твоему птицелову – жизнь.

Олег не знал таких слов, которые бы помогли ему, он задрожал и разрыдался.

– Без шума и слез, – навалился матёрый, – тихий час! Если жалко хату, гони бабло. Почем, коллега, пятихатка в генеральском доме на Соколе?

– Парочка кейсов зеленых.

– Ништяк. Это ж твой родительский долг, папаш! Сын-то единственный, поди любишь? Или как? Мы – не звери, но и не лохи. Договоримся. Когда на волю, доктор наук? Хошь, на хаммере с респектом по проспекту?

Когда они ушли, Олег выдохнул, казалось, весь НЗ воздуха из

легких и задержал дыхание – жить не хотелось. Почему-то промелькнуло: на все воля Божья ...

– Вся жизнь в потерях: страна, работа, родители, сын, теперь – квартира.

И все-таки должок за кречетов договорились растянуть на два года и отдавать в рублях.

Ладушка, эта художница свободного рынка, даже не ойкнула от такого сальто-мортале. Наоборот, будто почувствовав свой звездный час, подобралась, тряхнула уже тонированными платиновыми кудрями и звонко распорядилась:

– Программа минимум: снимем однушку где-нибудь в Капотне, хоромы свои сдадим за валюту экспатам. Контакты есть. Можно продать коллекцию папиных марок, пару картин и кое-что из бриллиантов, – загибала она налакированные пальцы, – можно и ореховое бюро, все-таки 18-й век. Продадим дачу. Не пропадем! А я подамся в челночницы. Говорят, круто! Вон Галка из Моспроекта бешеные бабки надыбала, палатку открыла. К ней Ольга из нашей мастерской прилепилась. И я напрашусь. Торговать буду. Ты тоже, пока не все извилины разгладились, подыскивай работёнку, чтоб поденежней. Все в наших силах!

– На все воля Божья. Моя мама часто повторяла. Это молитва. И еще она говорила: смирение сильнее надежды. Но так хочется надеяться, правда? Только на что? На кого? – Олег огляделся и, кроме жены, никого не увидел.

– Смириться, Олег, конечно, хорошо. Но не бездействовать. И не ждать у моря погоды. Помни про двух не смилившихся лягушек, сметанку-то лапками взбивай, взбивай, дорогой,!

Через месяц переехали в Капотню. Оказалось, люди там не такие, как в центре: другое выражение лиц и сами лица, сильный акцент или немосковские интонации, резавшие слух. Метро в Капотне не было, но зато дымил нефтеперерабатывающий завод, и роза ветров распорядилась так, что воздухом здесь не пахло – только токсической смесью газов.

Свою квартиру на Соколе сдали французской фирме. Ближе к лету продали дачу – вернее то, что от нее осталось, но зато на Николиной горе. Ладушка, превратившись в лихую хваткую тетку с сильными руками и крутыми боками, моталась за шмотьем с такими

же азартными коробейницами из бывших инженеров и офицерских жён то в Турцию, то в Польшу, летала за мехами в Китай, откуда привозила шубы и жакеты с этикетками «Made in Itali».

Через год отдали половину долга. Ладушка – опять она – подыскала для Олега интересную работу: руководитель электронных программ в издательском холдинге, выпускающем энциклопедии и словари. Платили очень прилично, и Олег – в итальянском костюме и белой рубашке – посчитал бы себя счастливым, если бы хоть иногда, хоть каким-то боком проявился Ваня. Но сын будто жил на другой планете, у которой с землянами не было никакой связи, даже воспоминаний.

И все-таки, когда должок за кречетов был списан, Ваня позвонил.

– Молотки, мое вам спасибо! Не зря именно вас я когда-то осчастливил своим рождением, – шутил он, и голос звенел то ли от сознания своего остроумия, то ли от того, что должок уплачен и родители – при своей хате. – Супер! Есть повод забабахать фейерверк в честь победы добра над злом! Только мне к вам никак нельзя, лучше вы ко мне. У меня шикарный дом с садом и бассейном. Отдохнете, наконец, по-человечески. Записывайте мой телефон и новый адрес: Филиппины, Манила...

И вместо такой ошеломляющей, такой долгожданной радости Олег вдруг почувствовал, как онемела правая стопа. И уже не в первый раз. Кроме онемевшей стопы, ни о чем думать или говорить не мог. Проклятый диабет, донимавший его несколько лет, грозил гангреной. Разговор закончился ничем, и Ладушка тоже, сославшись на «высокий сезон» в бизнесе, прилететь в Манилу не пообещала. Ваня запомнил блеклый голос отца, который – старость, наверно? – свернул разговор без вопросов и объяснений.

Мысль о возможной ампутации стопы, подтвержденная врачами, доводила до гипертонических кризов, и Олег – пока на своих двоих – решил немедленно лететь к сыну, чтобы повидаться, может, в последний раз.

Ваня крикнул: браво! И затараторил что-то о зоопарке, куда они непременно пойдут, о разнообразии певчих птиц и, не переводя дыхания, но уже деловым тоном попросил ящик черной икры.

Олегу сразу же расхотелось в Манилу. Но Ваня уговаривал, настаивал, он убеждал отца, что договорится с таможней – там надежный контакт. И Олег, законопослушный гражданин, купил у спекулянтов ящик черной икры, рассовал банки по чемодану, который благополучно приняли в багаж.

В аэропорту Манилы Олега никто не встретил.

– Русский Иван?– спросил таксист, когда Олег назвал адрес сына на английском.

– Вы его знаете?

– Его знает вся Манила. Самый крупный русский босс! Самый богатый и уважаемый!

– Мафия? – вдруг вылетело у Олега.

– Да-да, – обрадовался шофер редкому взаимопониманию с иностранцем, тем более с русским. – Ты тоже мафия?

– Нет. Иван – мой сын.

Шофер натянул узкую льстивую улыбку и несколько раз поклонился.

Респектабельный, в колониальном стиле дом произвел впечатление: из розового камня, с боковой внешней лестницей, ведущей из сада на второй этаж, на просторную открытую террасу со скульптурой готового взлететь деревянного орла в натуральную величину.

Как офисный сотрудник, Ваня ранним утром уезжал на работу, а через два дня улетел в экспедицию на южные острова.

И больше они не виделись.

Олег бродил по пустому дому, некоторые комнаты на втором этаже оказались закрыты. Он гулял по экзотическому саду, больше похожему на парк, где на нижних ветвях деревьев висели разноцветные фонарики, а высоко в кроне гомонили крикливые попугаи, прожорливые голуби и еще какие-то яркие птицы.

– «Деньги с неба будут падать – птицами», – припомнил Олег слова сына, сказанные в запале. – Всё зло – в деньгах. Вот нас, – вступал он во внутренний, с самим собой, диалог, – воспитывали по-другому: деньги – не самое главное, не в деньгах счастье... И как теперь понять друг друга? К кому летел? На что рассчитывал?

Так ни с чем и вернулся в Москву, приняв без всяких иллюзий и сомнений: сына у него нет. И Ладушке внушил:

— Нет у нас сына. У меня есть — ты, у тебя есть — я. И всё. Живут же люди без детей!? Живут даже и после того, как похоронили своих детей. Страшное горе, жуткое, но ведь — живут! И мы с тобой будем жить.

Гангрена уже не таилась, не тлела, она наступала, расползаясь вверх по голени, стопа распухла и почернела. Их пятихатка пропахла болезнью и старостью. Ладушка упорно лечила Олега припарками из трав, компрессами из капустных листьев и лопуха и даже китайскими мазями, купленными по рекомендации за большие деньги. Олег боялся операции, Ладушка боялась с ним вместе и выискивала новые средства, обещавшие чудеса исцеления. Олег все чаще утешался частушкой: хорошо тому живется, у кого одна нога...

Весной, будто форточка распахнулась от свежего ветра, ворвался телефонный звонок. И Ладушка услышала картавый молодой голос, который медленно вымучивал русские слова:

— Здравствуйте, я — Айрин, англичанка, жена вашего сына. Мы женаты пять лет. У нас — сын. Ему тоже пять лет. Мы с сыном у моих родителей в Лондоне. Через три дня вернемся в Манилу, но я специально купила билеты через Москву. Хочу познакомиться. Хочу показать внука. Он тоже — Олег, как и русский дедушка. Ваня так захотел. Когда русский Олег был в Маниле, Ваня купил нам билеты в Лондон. Я спросила: зачем? разве не хочешь, чтобы мы познакомились? Ваня не объяснил. Он многое не может объяснить. Просто молчит. А я хочу видеть вас и вашего мужа. И хочу показать внука, маленького Олега. Он умеет по-русски говорить здравствуйте и спасибо. Мы можем встретиться в Москве?

Пышную, розовощекую сноху в лодочках на босу ногу — за окном март! — и рыжего веснушчатого внука в шортах — у Ладушки сердце сжалось — обласкали и накормили блинами с красной икрой, объяснив, что сейчас — Масленица. Но удивили сноху не обедом, а домашней библиотекой. Айрин ахнула, потом взвизгнула, вычитывая на корешках книг: Шекспир, Томас Харди, Диккенс, Теккереи, Джон Голсуорси, Конан Дойл... Столько книг?

Вся английская классика. Она рассказала, что Ваня тоже – все русские такие? – очень много читает и заочно окончил Оксфорд. У него диплом орнитолога.

– Ваня по-прежнему мечтает открыть частный зоопарк? – покрываясь испариной, разволновался Олег.

– Я ничего об этом знаю. Он три года работает в Манила-Зоо, самом знаменитом зоопарке. Вы были в Манила-Зоо?

Подбирая слова, Айрин буквально набросилась на Олега, будто только за тем и приехала:

– Что случилось? Что произошло со всеми вами? Почему Ваня не любит своего детства? Сказал, что детства у него не было. Какая-то травма, комплекс? Он посещал психоаналитика? Почему нельзя вернуться на родину, хотя бы погостить?

Ладушка выложила перед внуком модели советских машинок, когда-то купленные для Вани. Олег вглядывался во внука: симпатичный, смешливый живчик, но совсем другой породы.

– Ты любишь птиц, Олег?

– Он любит машинки и гаджеты, – с гордостью объявила Айрин, которой было по-домашнему тепло с русскими родителями мужа. Она видела, что и сыну здесь нравится.

– Оказывается, я угадала, – Ладушка прямо расцвела от радости. – И никакой он не Олег, дедушка! Не дорос еще, – поправила она мужа и, четко артикулируя каждое слово, медленно объяснила, ласково глядя на Айрин. – У Пушкина есть «Песнь о вещем Олеге», где Олег – умный, сильный мужчина, а наш Олег – еще детеныш. Он – еще Олешка, олененок! Как Бэмби. Давай играть!

– Сын, – прошелестели слипшиеся губы, – воды...

Наркоз еще действовал. И Олег снова впал в забытие, которое укачивало, как джутовый гамак, только попугаи почему-то не гомонили.

– Сын, сын...

Короткометражка памяти взяла новый старт.

– Успели раскрасить, – пробилося в сознании, – гламурненько...

И когда ярко, во весь экран вошло веснушчатое лицо с рыжими кудрями, он напрягся и разлепил губы:

– Олешка!

Об авторе: ГАЛИНА КЛИМОВА

Родилась в Москве. Закончила географо-биологический факультет Московского государственного педагогического института имени В.И.Ленина и Литературный институт имени А.М.Горького (семинар Евг. Винокурова). Первая поэтическая подборка вышла в 1965 г. в районной газете «Знамя коммунизма» (г. Ногинск). Печаталась в центральных газетах («Советская Россия», «Московский комсомолец», «Литературная газета»), журналах («Дружба народов», «Арион», «Вестник Европы», «Континент», «Интерпоэзия», «Иерусалимский журнал», «Радуга» и др.), в альманахах «Поэзия», «Предлог» и др. и антологиях («Антология русского верлибра». М., 1991; «Библейские мотивы в русской лирике 20-го века». Киев, 2005 и др.) Стихи Галины Климовой переведены на болгарский, сербский, польский, чешский, армянский, китайский, голландский и др. языки. Переводит главным образом славянскую поэзию. Заведующая отделом поэзии журнала «Дружба народов» (с 2007), старший научный редактор редакции географии в издательстве «Большая российская энциклопедия», Член СП Москвы (с 1999), Секретарь Правления Союза писателей Москвы и член Международного Союза журналистов. Лауреат литературной премии СП Москвы «Венец» (2005) и премии «Серебряное летящее перо» международного поэтического фестиваля «Славянска преградка» (Варна, 2007). Организатор и ведущая литературного салона «Московская муза» (1998–2008). Nekeýalar